

ИЗ ИСТОРИИ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

С.Г. Ефимова

МГУ имени М.В. Ломоносова, НИИ и Музей антропологии, Москва

Исторический аспект в изучении антропологии древнего населения традиционен для русской науки. Начало этих исследований связано с именами К. Бэра и А.П. Богданова и с созданными при их активном участии палеоантропологическими коллекциями в музеях Санкт-Петербурга и Москвы. Представлен обзор наиболее значительных этапов в развитии этого научного направления в Московском университете. Отмечен выдающийся вклад в формирование отечественной палеоантропологической школы А.П. Богданова в дореволюционный период и Г.Ф. Дебеца – в советское время. Уникальный фонд краниологических и остеологических коллекций Антропологического музея Московского университета наглядно демонстрирует итоги 150-летней работы по исследованию антропологического разнообразия древнего населения Северной Евразии.

Ключевые слова: *Московский университет, Антропологический музей, история науки, палеоантропологические коллекции*

В отечественной научной традиции палеоантропологией принято называть раздел антропологии, основанный на изучении по ископаемым костным материалам изменчивости древнего населения. Это направление исследований зарождалось и развивалось в русле этнической антропологии и расоведения. Но в последние несколько десятилетий вследствие значительного расширения круга задач и усложнения методической и технической базы исследований, палеоантропология приобретает в мировой системе антропологического знания все большую самостоятельность.

Начало палеоантропологических исследований непосредственно связано с формированием музейных кранио-остеологических фондов и с научными интересами ученых, стоявших у истоков отечественной антропологической науки. «История настоящей антропологии в России начинается с трудов знаменитого Бэра, основателя первого краниологического собрания в России при Академии наук в Петербурге» – так говорил в 1879 г. А.П. Богданов [Богданов, 1880, с. 261]. Сам Анатолий Петрович Богданов (1834–1896) – выдающийся ученый и организатор науки, по праву считается создателем Московской антропологической школы (илл. 1). Вот неполный перечень того, чем Россия была обязана А.П. Богданову. Московские акклиматизационные выставки (1858, 1863), Этнографическая (1867), Политехническая (1872), Ан-

тропологическая (1879) и другие выставки; международные конгрессы – по антропологии (1879), доисторической археологии (1892) и зоологии (1892); Московский зоопарк, Музей прикладных знаний (Политехнический), Дашковский этнографический музей; кафедра и Музей антропологии при Московском университете.

Всю свою жизнь он был связан с Московским университетом. Окончив его в 1855 г. со степенью кандидата, через год сдал экзамен на степень магистра зоологии и 28 мая 1858 г. защитил диссертацию «О цветности пера птиц». Став преемником К.Ф. Рулье, А.П. Богданов 38 лет (с 1858 г.) заведовал кафедрой зоологии, а с 1863 по 1896 г. – еще и Зоологическим музеем Университета. При нем они стали центром научной и учебной работы, который «был проникнут передовыми научными идеями, развивался под знаком дарвинизма, жил благородными традициями Рулье» [Райков, 1959, с. 321].

Московский университет оценил заслуги Анатолия Петровича Богданова как ученого, преподавателя и общественного деятеля, присвоив ему в мае 1867 г. ученую степень доктора зоологии без защиты и избрал экстраординарным профессором. В представлении физико-математического факультета Совету Университета в связи с присвоением А.П. Богданову степени доктора зоологии, в перечне заслуг указывается и его роль в развитии

Илл. 1. Анатолий Петрович Богданов в возрасте 29 лет. Москва, 1863 г.

антропологии. «Эта новая отрасль естествознания, которую можно назвать еще только возникающею в Европе, нашла в Анатолии Петровиче самого ревностного деятеля. В последнее время он приложил к ней почти всю свою энергию и произвел для этого многочисленные раскопки курганов Московской губернии – дело настолько трудное, что было не под силу даже людям, имевшим вес в обществе и значительные материальные средства. В награду за это он получил богатейшую коллекцию черепов и других костей вместе с различными предметами, служившими для украшения и для других целей тем племенам, которые некогда населяли Московскую губернию. Эта коллекция, заключающая в себе до 600 номеров, сама по себе представляет драгоценное приобретение для науки. Но Анатолий Петрович не ограничился этим: он со всей точностью описал и могильные остатки и подарил нас таким сочинением, которое должно служить образцом для всех будущих исследователей того же предмета» [цит. по: Райков, 1959, с. 331]. Речь идет о работе «Материалы для антропологии курганного периода в

Московской губернии» [Богданов, 1867], подготовка которой связана с новой яркой главой научной биографии А.П. Богданова – деятельностью Общества любителей естествознания (ОЛЕ) при Московском университете, которое с января 1868 г. стало называться – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ).

В 2013 году исполнилось 150 лет со дня основания ОЛЕ/ОЛЕАЭ (1863). Первоначально ОЛЕ охватывало зоологию, ботанику и геологию, но в 1864 г. выделился Антропологический отдел, а в 1867 г. – Этнографический. А.П. Богданов был президентом Общества только в течение примерно одного года (1886/1887), а в остальное время довольствовался званием члена Совета, председателя Зоологического (1881–1894) и Антропологического отделений (1867–1870 и 1879 – конец 1880-х гг.). Но фактически он стоял во главе Общества и руководил его деятельностью.

Монография «Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии» [Богданов, 1867] во многом определила основные научные принципы и пути дальнейшего развития антропологии в России. Во введении он так пишет о содержании и задачах новой науки: «Все расы, не смотря на свое различие, составляют одно великое целое, одну гармоническую и последовательную в своих членах группу, и потому требуется определить ее положение в ряду существ, ее соотношения с другими группами природы, ее общие свойства, как с точки зрения анатомической и физиологической, так умственной и нравственной. Нужно изучить влияние внешних условий, наследственности и скрещивания. Наконец, поднимаясь еще выше, мы встречаемся с вопросом о первобытных судьбах человека. О его доисторической жизни, и следим за последовательным развитием его, за его медленными и трудными победами над окружающим его миром, за тем, как он из безоружного существа становится царем творения. Это все задачи антропологические и потому этнология есть только часть науки о человеке; другая часть есть общая антропология. В нынешнее время этнология и общая антропология составляют одну, самую благородную (*la plus noble de toutes*) из наук, так как она имеет своим предметом человека» [там же, с. 4].

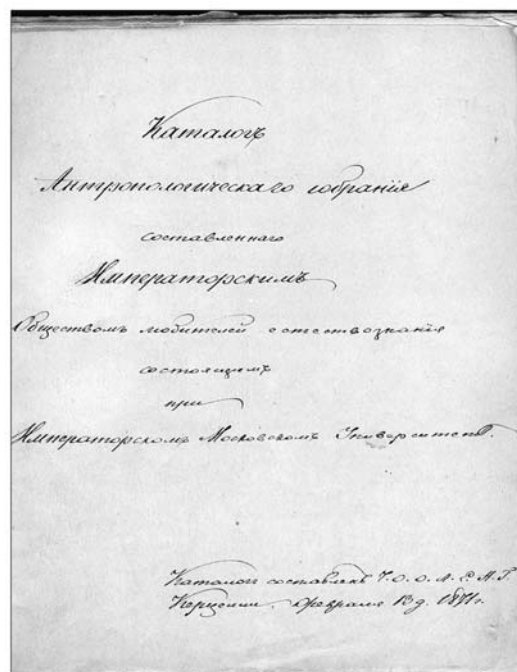
При этом, он четко определяет антропологию как биологическую дисциплину: «Итак, с моей точки зрения, антропология не есть наука о человеке, а этнография наука о племенах. Как та, так и другая, исследуют и человека, и племена; только одна есть наука естественная, другая историческая» [там же, с. 6]. Поэтому, пишет он далее: «Народы,

сходные друг с другом по обрядам, обычаям и языку, могут быть соединяемы этнографом, лингвистом и историком в одну группу, но из этого вовсе не следует, чтобы эти народы и по своим физическим свойствам представляли сходство, чтобы они имели одно общее происхождение по крови и чтобы естествоиспытатель отнес их непременно к одному и тому же племени» [там же, с. 7].

И, наконец, самый важный нравственный принцип, сформулированный более 150 лет назад, но чрезвычайно актуальный до сих пор: «Нам нет надобности делать из выводов науки ненаучные средства в роде заграничных брошюр о происхождении народонаселения средней России. Не в русском характере, не в духе истинной русской науки ломать факты и ложно освещать их, да и нет в них надобности. Не брахицефалия или долихоцефалия дает право народу на уважение, не курганные предки, каково бы не было их происхождение, могут унижить или возвысить русский народ и ход его истории» [Богданов, 1867, с. 176].

Уже на втором заседании Общества любителей естествознания (ОЛЕ) (5 сентября 1864 г.) было положено начало краниологического музейного фонда университета. А.А. Гатцук, известный в то время издатель иллюстрированной газеты, доставил два черепа из раскопок подмосковных славянских курганов. На третьем заседании (14 октября 1864 г.) А.П. Богданов предложил «образовать при Обществе особое Антропологическое отделение, «главной задачей которого должно быть изучение курганов и составление краниологической коллекции» [Известия ОЛЕАЭ, 1879, с. 71]. В принятом на четвертом заседании (4 ноября 1864 г.) Уставе Отделения, первым пунктом было записано: «Составление коллекций черепов и скелетов и описание их» [там же]. На этом же заседании секретарем был избран А.П. Федченко, а хранителем коллекций – Н.Г. Керцелли, который составил в 1871 г. первый краниологический каталог отдела (илл. 2).

В следующем 1865 г. А.П. Богданов раскопал 129 курганов в Московском, Можайском, Подольском, Верейском и Коломенском уездах, а А.М. Анастасьев – 73 кургана в Коломенском уезде и к концу этого года коллекции Отдела антропологии состояли из более чем 300 черепов. К открытию Этнографической выставки в 1867 г. антропологические коллекции уже насчитывали 600 черепов, которые затем были переданы Московскому Императорскому университету. [Известия ОЛЕАЭ, 1878]. В отчете за 13 лет существования Отдела антропологии ОЛЕАЭ (с 1864 по 1876 г.) указывается: «Основной задачей Отдела постоянно было соби́рание коллекций местных черепов,

Илл. 2. Первый каталог краниологических коллекций ОЛЕАЭ, составленный Н.Г. Керцелли. 1871 г.

скелетов и вещей при них находимых, для чего Отдел напрягал все свои силы и не жалел никаких затрат» [Известия ОЛЕАЭ, 1886, с. 14].

Для проведения масштабных археологических раскопок были необходимы значительные суммы. Известно, что на эти цели А.П. Богданов потратил 2000 рублей серебром из своих сбережений, большую помощь оказали профессора Московского университета Г.Е. Щуровский, И.Д. Беляев, А.П. Богданов, Н.Д. Никитин, И.М. Соколов, П.И. Медведев, Н.А. Попов, Я.И. Вейнберг, которые на годичном заседании ОЛЕ от 15 октября 1866 г. обратились с таким заявлением: «Узнав, что Общество предполагает в нынешнюю зиму ряд публичных лекций, мы изъявляем желание принять участие в чтении этих лекций с тем, чтобы из собранной от лекций суммы в 1000 рублей сер. поступило на устройство университетской краниологической коллекции на выставке, а остальная затем сумма поступила в основной капитал для предполагаемого устройства кафедры антропологии» [там же, с. 14].

Большое значение для дальнейшего развития палеоантропологических исследований имел период подготовки I Антропологической выставки в Москве. Особое внимание уделялось сбору краниологических материалов, в результате чего, к моменту открытия выставки краниологическое собрание составило один из самых богатых отде-

лов (3000 черепов). Кроме уже упоминавшейся коллекции черепов из славянских курганов Средней и Южной России, в Туркестанском разделе были представлены материалы, собранные выдающимся русским ученым и путешественником А.П. Федченко во время экспедиции в Туркестан в 1868–1871 гг. (кладбище иранской колонии близ Ташкента, могильник возле Золотой Муллушки, из древней крепости близ Самарканда), а также материалами из Ферганской области, собранными Уполномоченным комитета выставки доктором С.И. Моравицким. Подробная публикация этих материалов была осуществлена А.П. Богдановым [Богданов, 1880; 1886].

Значительный интерес также представляют краниологические коллекции сарматского времени и эпохи средневековья с территории Поволжья, собранные в период подготовки выставки Ф.О. Нефедовым, А.И. Кельсиевым, П.Ф. Лесгафтом и Э.Д. Пельцамом. Профессор Варшавского университета Д.Я. Самоквасов и профессор В.Б. Антонович из Киева передали ОЛЕАЭ обширную краниологическую коллекцию из курганов южных губерний России, материалы по краниологии населения Болгарии с огромными трудностями собрал и доставил в Москву находившийся в действующей армии корпусный врач В.Н. Радаков.

В числе собирателей материалов выставки были как представители аристократических слоев, так и разночинная интеллигенция, купцы и крестьяне. Великий князь С.А. Романов доставил черепа славян-вятичей из курганов у с. Ильинское; Московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков прислал черепа, найденные при закладке памятника Александру II; князь А.Д. Долгоруков проводил раскопки славянских курганов в Рузском уезде; граф К.П. Тышкевич собрал на территории своего имения в Минской губернии коллекцию черепов славян-дреговичей; графиня П.С. Уварова проводила раскопки на Северном Кавказе. Значительная часть коллекций с территории Кавказа была получена в 1878 г. при содействии военной администрации (генерал В.И. Чернявский). В отчетах о поступивших коллекциях постоянно встречаются упоминания о бескорыстии собирателей. Например, «произведены были раскопки курганов в Тверском уезде В.Я. Щербаковым, в Осташковском – А.Я. Воробьевым и С.П. Уткиным. Означенные лицами издержки раскопок приняты на их счет» [Известия ОЛЕАЭ, 1879, с. 359].

Как уже говорилось, описание этого краниологического собрания в виде каталога и опубликованных научных докладов было сделано А.П. Богдановым [Богданов, 1879; Известия ОЛЕАЭ, 1879, 1880, 1886]. По существу, это первая сводка па-

леоантропологических данных, собранных по единой методике и проанализированных одним исследователем: «Выяснить добытое по краниологии России, особенно доисторической, в виде общей систематической сводки составляет цель, которую я себе поставил и которую понемногу осуществляю, насколько позволяют здоровье, время и силы» [Известия ОЛЕАЭ, 1886, с. 142].

Научные итоги этого раннего периода палеоантропологии с позиции современных знаний могут показаться не очень значительными. Но надо понимать, с какими трудностями сталкивались исследователи, закладывая основы науки о человеке: «Надеюсь, что эти материалы когда-либо и сослужат свою службу – облегчат будущих исследователей и избавят их от труда идти по пути русской доисторической краниологии в таких полных потемках, в каких пришлось начинать мне. Добытое с большим трудом, многолетними усилиями и с значительными материальными жертвами, дает, как мне по крайней мере кажется, уже и теперь некоторые указания относительно общего размещения антропологических типов в Средней России и в местностях с нею сопредельных» [там же]. Значительная часть этих первых краниологических коллекций сохранилась в Музее антропологии МГУ [Алексеева, Ефимова, Эренбург, 1986] и в дальнейшем не раз использовалась для научных исследований (илл. 3).

Заслуги А.П. Богданова перед русской наукой были высоко оценены при жизни: ему присвоено звание заслуженного профессора Московского университета (1883), почетного члена Петербургского университета (1884), члена-корреспондента Академии наук (1890); кроме того, он являлся почетным членом 23 русских и десяти иностранных научных обществ. Разнообразная успешная деятельность А.П. Богданова была отмечена также многими отечественными и иностранными наградами. Его научная биография являлась темой специальных исследований [Анучин, 1952; Левин, 1946, 1960; Райков, 1959; Юровская, 2004; Формозов, 2007].

К сожалению, на фоне блестящей карьеры и широкой известности имени А.П. Богданова в связи с организацией крупных выставочных и музейных проектов, его вклад как ученого, в развитие новой науки – антропологии не всегда должным образом оценивался современниками. Консервативные круги научной среды были недовольны тем упорством, с каким он старался придать науке «общественное лицо», а либерально настроенную интеллигенцию раздражал его научный патриотизм. «Наука процветает и укореняется там только, где она стоит на крепкой связи с обществом, –

писал Богданов, – когда она является не исключительно замкнутой в обособленную касту ученых... Наука должна заговорить на родном языке» [Богданов, 1976, с. 2]. Его перу принадлежит более 30 антропологических работ [Юровская, 2004], выполненных на высоком методическом уровне того времени и написанных живым русским языком.

Насколько интенсивно он умел работать как в Университете, так и во всех других сферах своей деятельности, как он умел активизировать работу своих помощников, вспоминал его ученик, профессор Н.М. Кулагин: «Богданов работал всю свою жизнь, не покладая рук, не считаясь с отдыхом. Он отдыхал только в вагоне, отправляясь за границу или редко в Крым. Не было ни выходных дней, не было отпусков и у его помощников. Я за 10 лет работы ассистентом А.П. Богданова бывал в Зоологическом музее все дни недели (праздничных и воскресных дней у нас не было)» [цит. по: Райков, 1959, с. 319]. Только близкие люди знали, что за внешне благополучной жизнью известного ученого и общественного деятеля скрывалось постоянное преодоление комплекса подкидыша. «За свое романтическое происхождение много горя я испытал в жизни, много презрения вытерпел» [цит. по: Юровская, 2004, с. 8]. Эти переживания объясняют страстное стремление «выбиться в люди», получить материальную независимость, а также некоторые черты его характера (скрытность, честолюбие, стремление получить покровительство сильных мира сего). Он перестал быть крепостным только после окончания Университета в 1855 г., а после успешного проведения Политехнической выставки в 1873 г. семья статского советника А.П. Богданова получила дворянское звание и была внесена в списки Дворянской родословной книги Московской губернии (АРАН. Ф. 446. Оп. 1А. Д. 99).

23 марта 1896 г. (примерно за месяц до кончины) им было составлено духовное завещание [цит. по: Савина, 2005, с. 95–96]. Это трагический документ, который правдиво характеризует личность Анатолия Петровича: «По истине говорю, что много тысяч из полученных мною в наследство было употреблено мною на те учреждения, в основании которых я принимал участие, а потому, умирая лично почти нищим, не краснея, могу просить о могиле и нравственной помощи семье» [там же, с. 96]. Памятник на его могиле был открыт в 1900 г. на средства ОЛЕАЭ [Открытие памятника... 1900, с. 109] и сохранился на территории Новодевичьего монастыря до сих пор. На нем эпитафия, составленная им самим заранее: «Жил, веря в Бога, ожидая Воскресения и Страшного

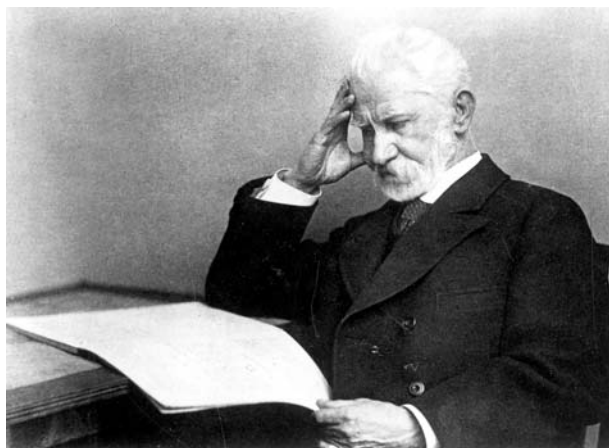

Илл. 3. Графическая реконструкция по черепу женщины. Верхняя Юрковица, близ Киева. XI–XII вв. Славяне-поляне. Раскопки Т.В. Кибальчица. 1878 г. Автор Т.С. Балуева 1999 г.

суда, любил Россию, университет, науку. Пришел в тот мир, надеясь, что Бог любви помилует грешную душу, ему всецело преданную и его любившую, жившую для его славы».

Дальнейшее развитие антропологической науки в России связано с именем Дмитрия Николаевича Анучина (1843–1923), благодарного ученика А.П. Богданова, который как всесторонне, энциклопедически образованный ученый, в равной мере крупный специалист в области антропологии, географии, этнографии и археологии, являлся основоположником научного изучения этих дисциплин в Московском университете и, продолжая дело своего учителя, проявил себя, как неутомимый «собиратель русской науки» (илл. 4).

Вот что писал о своем учителе В.В. Бунак: «За истекшие тридцать лет в русской антропологии едва ли найдется хотя бы одно начинание, так или иначе не связанное с именем Д.Н. Анучина. Первый и долгое время единственный – в русских университетах преподаватель, читавший курсы антропологии, сперва в качестве доцента, потом профессора географии, ведшего приватно антропологические курсы и, наконец, профессора по особой кафедре антропологии, Д.Н. оказал свое влияние на всех русских антропологов, получив-

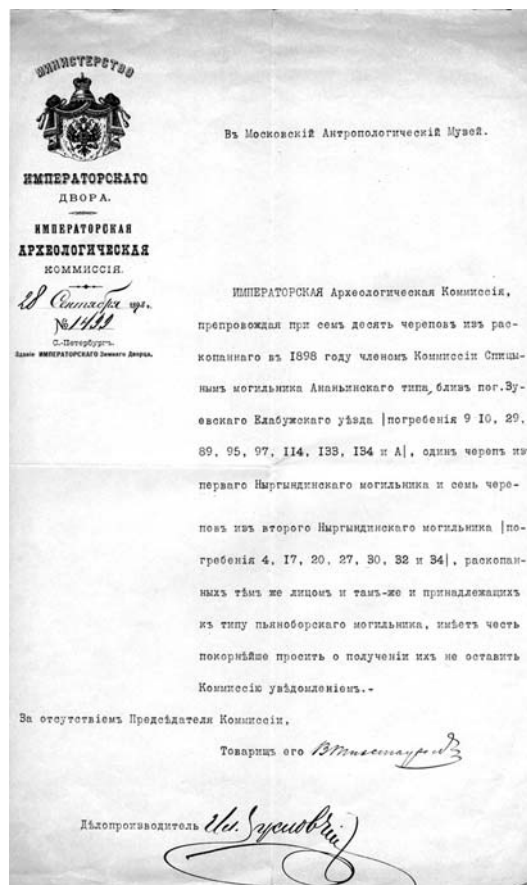

Илл. 4. Д.Н. Анучин в последние годы жизни

ших сколько-нибудь систематическую подготовку» [Бунак, 1924, с. 1].

Дмитрий Николаевич – ученый, во многом сформировавший отечественную традицию наук о человеке, основанную на принципе тесной координации и взаимообогащения таких наук, как: антропология, археология и этнография, которая известна как «анучинская триада». Эта традиция получила свое воплощение и в системе преподавания в Московском университете и в созданном Д.Н. Анучиным музее [Алексеева, Ефимова, 1998]. Антропологический музей был одним из главных дел Анучина, который считал, что основная задача науки вообще и в России особенно, это – накопление фактологического материала (илл. 5). «Громадный результат его работы, каким стал Антропологический музей, является вечным памятником не только выдающейся энергии, огромных специальных знаний, правильного понимания проблем, большого научного чутья этого выдающегося научного деятеля, но, до известной степени и памятником его научного мировоззрения» – так об этом пишет В.В. Бунак [Бунак, 1924, с. 11].

Создание краниологических фондов в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Томске сыграло важнейшую роль в дальнейшем формировании российской палеоантропологической школы. Только в Музее антропологии МГУ краниологический фонд к 1905 г. достиг 8000 черепов [Анучин, 1907], описанных в каталоге, составленном А.А. Ивановским. В это время значительно пополнилось краниологическое собрание по народам Сибири и Дальнего Востока, в составе которого коллекции, доставленные Д.Т. Яновичем (обдорские ханты), Н.Л. Гондатти (чукчи, манси), Н.М. Яд-

Илл. 5. Письмо Императорской археологической комиссии Московскому Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии о высылке черепов из курганов, раскопанных членом Комиссии А.А. Спицыным в 1898 г. От 28 сентября 1898 г.

ринцевым (теленгеты), Ф. Коном (тувинцы), А.Г. Рождественским (айны Сахалина). В Камчатской экспедиции 1908–1910 гг., организованной на средства Ф.П. Рябушинского, в составе которой был этнографо-антропологический отряд (В.И. Йохельсон и его жена Д.А. Йохельсон-Бродская), была собрана коллекция костных материалов из раскопок на Алеутских островах [Алексеева, Ефимова, Эренбург, 1986, с. 182–192].

Надо отметить, что «анучинский» период развития антропологии в России не был отмечен какими-либо крупными успехами в области изучения костных останков древнего человека. Сам Д.Н. Анучин занимался изучением черепов айнов [Анучин, 1876], аномалий черепа [Анучин, 1880] и искусственно деформированных черепов [Анучин, 1887]. В этих работах проявляются основные черты его научного творчества – исчерпывающее изложение литературы, глубокий критический анализ источ-

ников, безукоризненная методика и сдержанное отношение к широким обобщениям [Левин, 1947].

ОЛЕАЭ поощряло экспедиционный сбор антропологических материалов за счет премиального фонда. В 1888 г. ОЛЕАЭ учредило денежную премию и золотую медаль имени А.П. Разцветова¹, которые присуждались ежегодно «за выдающиеся исследования, обогатившие науку или принесением в дар достаточно полной или интересной антропологической коллекции». Эти награды должны были присуждаться русским ученым, «начинающим свою научную деятельность и нуждающимся в нравственной и материальной поддержке своей трудовой жизни» [Известия ОЛЕАЭ, 1890, с. 1–2]. Первым эту премию получил в 1889 г., тогда еще студент, А.Н. Харузин, который на свои средства совершил две экспедиционные поездки в Буковинскую степь, привез интересный антропологический материал в виде краниологической коллекции и фотографий, а также подготовил монографию «Киргизы Буковинской Орды» [Харузин, 1889].

В память председательства Великого князя Сергея Александровича на Международном конгрессе по антропологии и доисторической археологии в 1892 г. была учреждена еще одна премия, которая выдавалась один год за антропологические исследования, а в следующем – за этнографические. По итогам проведенных в Западной Сибири полевых исследований, в том числе, раскопок могильника Халас-Пугор в устье Оби (костный и археологический материал хранится в Музее антропологии), этой премии в 1910 г. удостоился Д.Т. Янович.

Деятельность Д.Н. Анучина, как ученого, педагога, организатора науки, и гражданина – бесконечная тема, которой посвящены десятки специальных работ [см., например, Бунак, 1924; Левин, 1947; Алымов, 2004; Соловей, 2003; Ефимова, 2009]. Еще в юности он писал брату из Рима: «Я могу только сказать, что я хочу быть честным, образованным русским человеком. А чтобы русским быть, надо знать, что такое эта Русь, и поэтому я употребляю все силы мои, чтобы узнать ее» [Карпов, 1954, с. 6]. И эту задачу служения отечеству и науке он с честью выполнял всю жизнь.

В послереволюционный период, примерно с середины 1920-х годов наблюдается новый всплеск интереса к сбору палеоантропологических

материалов в связи с активизацией экспедиционных работ, как в археологических учреждениях, так и в Институте и Музее антропологии МГУ. Необходимо отметить, что в это время в Музее антропологии работала очень сильная группа археологов, сплотившихся вокруг Б.С. Жукова, ученика Д.Н. Анучина, сторонника палеоэтнологического направления в археологии, талантливого ученого и педагога (несправедливо осужденного и погибшего в 1934 г.).

Идея «анучинской триады» – комплексного использования для восстановления ранних этапов истории данных антропологии, археологии и этнографии, получила воплощение в серии археолого-этнографических экспедиций 1-го Московского университета по Центрально-Промышленной области, Тверскому краю, Подмоскovie и Причерноморью, проведенных во второй половине 1920-х гг. Практической школой этого направления являлась Антропологическая комплексная экспедиция (1925–1929 гг.) под руководством Б.С. Жукова, в которой принимали участие А.Е. Алихова, О.Н. Бадер, П.Н. Башкиров М.В. Воеводский, Е.И. Горюнова, А.В. Збруева, Г.Ф. Дебеч, Т.А. Трофимова, П.И. Зенкевич, С.Ф. Преображенский, Г.П. Сосновский, М.В. Талицкий, С.П. Толстов, Н.Н. Чебоксаров. Это была необычайно даровитая, талантливая плеяда молодых разносторонних ученых – антропологов, археологов, этнографов, чьи имена в будущем составили славу отечественной науки (илл. 6).

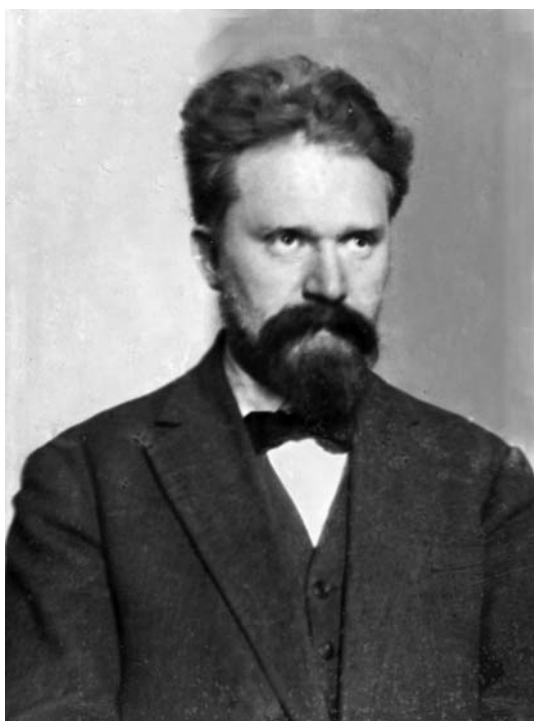
В числе значительных коллекций, поступивших в эти годы в фонды музея, можно отметить материалы, характеризующие средневековых словен новгородских и вятичей (А.В. Арциховский, 1927–1930) и финно-угорские народы Центральной России: мари (Е.И. Горюнова, 1925), мордву-терюхан (С.П. Толстов, Е.И. Горюнова, 1926, 1927) и мордву-мокшу (А.Е. Алихова, 1928). В 1927 г. выходит в свет монография «Crania Armenica» В.В. Бунака [Бунак, 1927], сменившего Д.Н. Анучина на посту руководителя антропологических подразделений Московского университета (илл. 7). Интерес к палеоантропологии Кавказа В.В. Бунак сохранил и в дальнейшем.

Разработка современных представлений в области методологии антропологических исследований начинается с предвоенного периода, который характеризуется формированием концепции расы как динамической категории, утверждением принципа таксономической неравноценности расовых признаков и непримиримой борьбой с проявлениями расизма в теории расоведения. Эти важнейшие теоретические достижения коснулись и области палеоантропологии, в которой отмече-

¹ Разцветов А.П. – известный московский врач-хирург, неперенный член ОЛЕАЭ, почетный профессор Московского университета, пожертвовавший на дело развития антропологии в России значительную сумму – 7400 рублей.

Илл. 6. Участники Антропологической комплексной экспедиции МГУ. 1926 г. Слева направо: передний ряд – Т.А. Трофимова, П.И. Зенкевич, Е.П. Воеводская; задний ряд – Н.П. Толстов, С.П. Толстов, Б.С. Жуков, А.Б. Ставицкая

Илл. 7. В.В. Бунак. Середина 20-х гг.

но оживление, связанное с активизацией археологических исследований. Постоянными участниками этих экспедиций были аспиранты и студенты кафедры антропологии (илл. 8).

Важным этапом развития науки о человеке является подготовка (1941) и публикация Г.Ф. Дебецом [Дебец, 1948] первой сводки по палеоантропологии СССР. «В истории советской антропологии, – писал академик В.П. Алексеев, – пожалуй, нет другой такой книги, которая вводила бы в науку такой большой и разнообразный, исследованный самим автором материал, добытый при раскопках, проводившихся несколькими поколениями археологов и происходивший со всей огромной территории нашего отечества, и одновременно давала бы ему столь законченную и логически стройную теоретическую интерпретацию» [Алексеев, 1993 б, с. 154].

Работая в период подготовки этого труда в Институте антропологии МГУ, Г.Ф. Дебец принимал участие во многих археологических и антропологических экспедициях, участвовал в создании экспозиции в Расовом зале Музея антропологии МГУ, читал курс палеоантропологии на кафедре антропологии биофака МГУ и кафедре археологии исторического факультета МГУ (илл. 9).

Илл. 8. Группа студентов 3-го курса кафедры антропологии биологического факультета МГУ с профессором В.А. Городцовым. 1936 г. Слева направо: сидят – М.С. Акимова, В.А. Городцов, Т.Д. Гладкова; стоят – М.И. Урысон, Б.И. Татаринов, С.И. Успенский

Послевоенный период – время формирования и развития советской школы палеоантропологии, признанным руководителем которой был Г.Ф. Дебец. Перейдя в 1943 г. на работу в отдел антропологии созданного Института этнографии АН СССР, он не терял связи с Университетом, воспитав плеяду палеоантропологов, в числе которых академик В.П. Алексеев, М.С. Великанова, М.М. Герасимова, Н.Н. Миклашевская, Т.С. Кондукторова, Н.М. Постникова-Рудь и многие другие (илл. 10, 11). В это время именно Музей антропологии был той площадкой, на которой проводились исследования новых материалов и шли методические дискуссии. Выход в свет монографии М.М. Герасимовой [Герасимов, 1955], лаборатория которого в начале 1950-х временно помещалась на территории Института антропологии (илл. 12), еще больше усилило интерес молодежи к палеоантропологии. Начиная с 1947 г. М.С. Акимова регулярно проводила экспедиционную палеоантропологическую практику для студентов-антропологов и была для многих из них, как с благодарностью вспоминает Т.И. Алксеева, «первым учителем, широко распахнувшим дверь в мир удивительных загадок» [Алксеева, 1990, с. 19], каким предстает перед нами палеоантропология. Замечательная

Илл. 9. Г.Ф. Дебец проводит измерения черепов. Конец 1930-х гг.

Илл. 10. В.П. Алексеев и Т.И. Алексеева в Музее антропологии МГУ. 1952 г.

Илл. 11. Т.С. Кондукторова за работой. Начало 1950-х гг.

Илл. 12. М.М. Герасимов с сотрудниками. Начало 1950-х гг.

увлеченность и преданность своему делу – черта, которая сохранялась в поколениях антропологов, не взирая на общественный строй, в котором им приходилось жить. Как пишет М.М. Герасимова: «неповторимость личности Г.Ф. Дебеца, его заразительное рвение и любовь к точному антропологическому факту, интерес к исследовательской работе других способствовали тому, что палеоантропологические работы приобрели в нашей стране широкий размах. К концу 1970-х годов территория СССР была покрыта густой сеткой изученных в антропологическом плане археологических памятников и культур» [Герасимова, 2004, с. 45].

Следует подчеркнуть ряд положений, которые прочно утвердились в отечественной антропологии. Это, прежде всего, понимание расы как динамической категории. Речь идет не только об изменении вследствие смешения и изоляции, действия процессов эпохальной изменчивости признаков, но и под влиянием социально-исторических факторов. Иными словами, биологические по своему характеру процессы смешения, изоляции, направленного изменения признаков у человека, в значительной степени, определяются историческими причинами, что требует «тщательного учета историко-этнографического фона, вскрываемого археологическими данными» [Алексеев, 1969, с. 21]. С другой стороны, отечественная антропологическая наука отстаивает вывод о том, что расовые особенности не определяют направление исторического процесса и развитие культуры. Тезис о том, что антропологический тип не распространяется без языка и культуры, в то время, как последние распространяются и независимо от антропологического типа, был сформулирован в работе Г.Ф. Дебеца, М.Г. Левина, Т.А. Трофимовой [Дебеч, Левин, Трофимова, 1952] и явился основным для разработки проблем этнической истории на антропологическом материале.

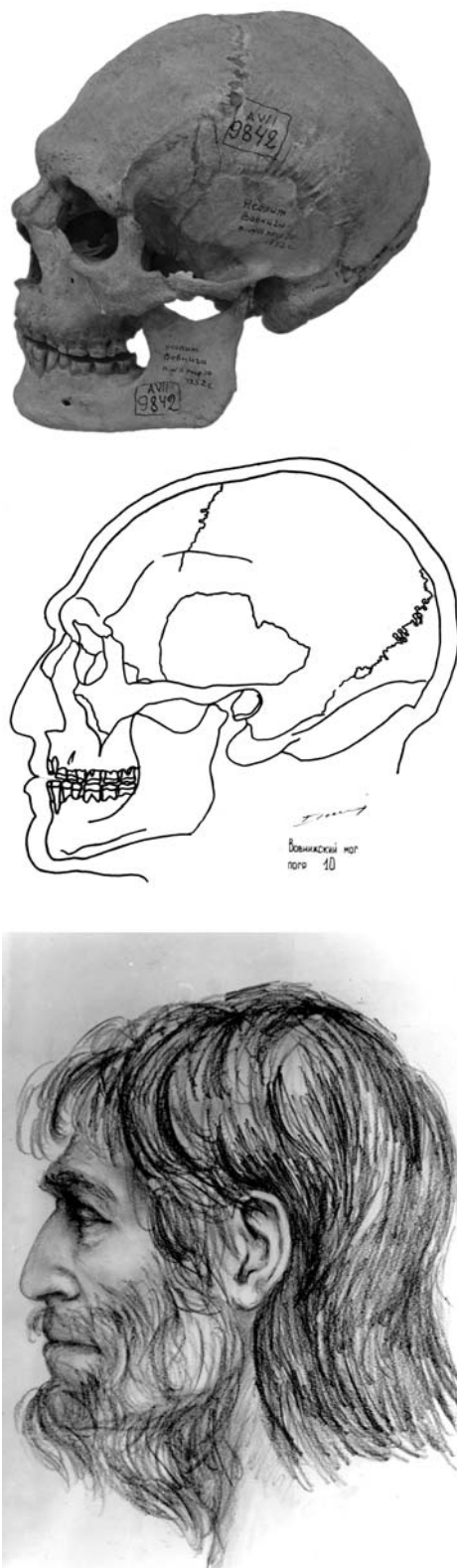
В советское время сбор поступающих в Музей антропологических материалов, относящихся к народам Северной Евразии с древнейших времен до современности, осуществлялся в экспедициях Академии наук СССР, Академий наук союзных республик, Московского государственного университета и краеведческих музеев. По краниологическим и остеологическим коллекциям Музея антропологии МГУ опубликован каталог: [Алексеева, Ефимова, Эренбург 1986], составленный по эпохальному принципу, а внутри эпох – по географическому. Территориальная принадлежность коллекций дана согласно тому административному делению, которое существовало во время сбора коллекции. В каталоге содержатся

сведения о месте, авторе и годе раскопок, учреждении, проводившем раскопки, датировке и культурной принадлежности коллекции. В коллекциях, относящихся к современной эпохе, указана этническая принадлежность. В каталог включены также коллекции кафедры антропологии Биологического факультета МГУ, переданные на хранение в НИИ и Музей антропологии. Совершенно ясно, что сколько-нибудь полную характеристику краниологических и остеологических собраний Антропологического музея МГУ дать в настоящей статье невозможно. Поэтому ограничимся лишь кратким обзором наиболее представительных по численности коллекционных массивов, научная разработка которых внесла существенно новое в понимание узловых проблем исторической антропологии Северной Евразии.

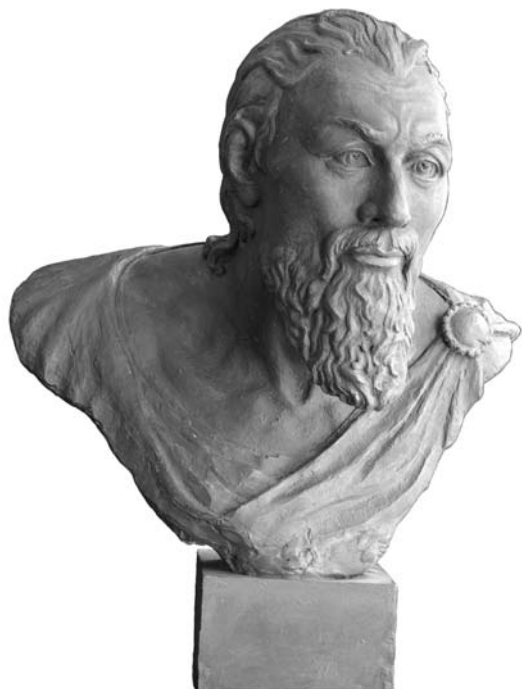
Мезолит и неолит характеризуют уникальные собрания антропологических материалов с территории Поднепровья (Васильевка I, Вовниги I и II, Волошское и др.) и Русской равнины (Караваиха, Модлон, Черная Гора и др.). Единичными находками представлено также древнее население Кавказа и Сибири. Эти материалы не раз анализировались в связи с изучением антропологической дифференциации древнейшего населения Евразии [Дебец, 1955; Якимов, 1960; Гохман, 1966; Кондукторова, 1973; Денисова, 1975; Алексеев, 1984; Алексеева, 1997; Потехина, 1999; Schwidetzky, 1989]. Наглядное представление о том, как выглядели обитатели Поднепровья в эпоху неолита дают графические антропологические реконструкции (илл. 13), выполненные по методике М.М. Герасимова, который много занимался антропологией населения мезолита и неолита [Герасимов, 1955; Яблонский, 1998].

Материалы **эпохи бронзы** охватывают территорию Восточной Европы, Кавказа, Средней Азии и Сибири и представлены более многочисленными кранио-osteологическими сериями, среди которых – ранние земледельцы Восточной Европы, пастушеские племена евразийских степей ранней бронзы (ямная и афанасьевская культуры), население средне- и позднебронзового века (катакомбная, андроновская, срубная, балановская и др. культуры). Эти материалы использовались во многих монографических исследованиях, посвященных проблемам расогенеза, палеоэкологии и миграций в эпоху бронзы [Алексеев, 1961; Круц, 1972; Алексеев, Гохман, 1984; Великанова, 1975; Шевченко, 1986; Медникова, 1995].

Едва ли не вдвое представительнее коллекции **эпохи железа**. Мир кочевников евразийских

Илл. 13. Череп из могильника Вовниги II (погребение 10) и его графическая реконструкция. Поднепровье, неолит. Раскопки экспедиции Института археологии АН СССР. 1952 г. Автор реконструкции – Г.В. Лебединская

Илл. 14. Скульптурная реконструкция по черепу из Неаполя Скифского. Царь Скилур. Крым. Эпоха железа. Гипс. Авторская копия. М.М. Герасимов

Илл. 15. Скульптурная реконструкция по черепу женщины из погребения пьяноборской культуры. Чеганда. Каракульский район Удмуртской АССР. I–III вв. н.э. Раскопки В.Ф. Генинга. 1954–1956 гг. Гипс. Автор – Г.В. Лебединская

степей скифского времени является темой изучения многих наук, в том числе и антропологии. Музей располагает огромным массивом материалов по антропологии Северного Причерноморья: ранним и поздним скифам (илл. 14) и населению греческих городов-колоний [Кондукторова, 1972, 1979; Великанова, 1975; Герасимова, 1987], а также савромато-сарматским племенам Поволжья и Приуралья [Акимова, 1968; Фирштейн, 1970]. Антропологические материалы из памятников анагинской, пьяноборской (илл. 15) и азелинской культур с территории Среднего Поволжья и Приуралья позволяют воссоздать ту антропологическую основу, на которой формировались особенности физического облика населения региона в последнее время [Акимова, 1968; Трофимова, 1968].

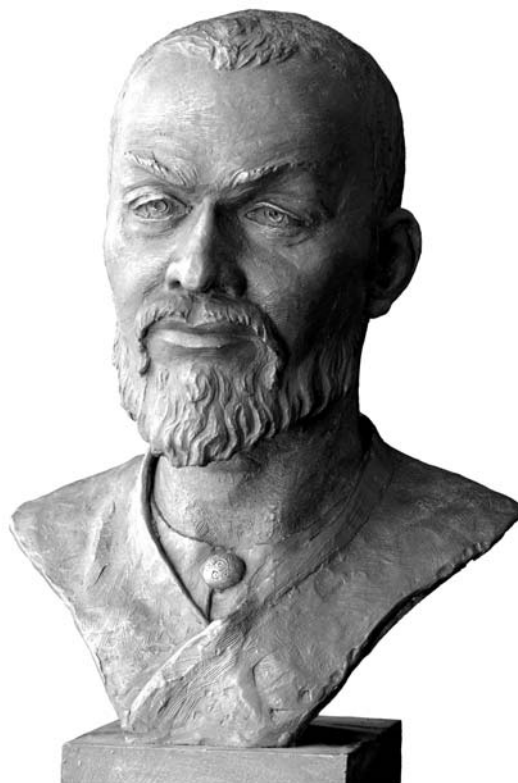
Весьма представительны коллекции **эпохи средневековья**. Состав населения Евразии после эпохи великого переселения народов, в значительной степени, формировался под влиянием миграционных процессов. Анализируя антропологическую карту средневековья, мы фиксируем многие группы в тот период, когда они сравнительно недавно покинули территорию, на которой сформировались и какое-то время сохраняли антропологический комплекс, характерный для исходной территории. В связи с этим усиливается роль данных антропологии в разработке исторических проблем раннесредневековых государственных объединений, формировавшихся на многокомпонентной основе.

В фондах отдела краниологии и остеологии МА МГУ представлены обширнейшие коллекции, характеризующие физический тип населения таких государственных объединений средневековья, как Хазарский каганат, Волжская Булгария, Древняя Русь и Золотая Орда. Рассмотрим некоторые аспекты в антропологическом изучении этих держав, которые дают дополнительную историческую информацию. В исторической летописи Хазарского каганата, объединившего и подчинившего народы различного происхождения, остается еще немало дискуссионных вопросов, ответить на которые помогают выводы антропологов. Наиболее полно антропологическими материалами представлена территория бассейна Дона (Верхне-Салтовский, Дмитриевский, Маяцкий, Зливинский и др. могильники) Основная часть этого массива была собрана в результате многолетних работ Южно-Русской и Советско-венгерской экспедиции под руководством С.А. Плетневой, при активном участии Т.С. Кондукторовой. Состав этого населения в хазарское время (VII–IX вв.) был неоднородным – выделяются группы, связанные своим происхождением с аланами Северного Кавказа и

ранними болгарами [Кондукторова, 1984; Ефимова, Кондукторова, 1995].

Миграция ранних болгарских племен – одна из интереснейших тем средневековой истории, в разработке которой важную роль играют антропологические материалы с территории Волжской Булгарии (илл. 16). Музей антропологии располагает обширнейшими материалами, характеризующими состав жителей обеих столиц этого государства (г. Болгары и г. Биляра) и многочисленное сельское население [Трофимова, 1956; Акимов, 1964; Ефимова, 1991]. Кроме того, золотоордынский период представлен коллекциями с территории Нижней Волги [Яблонский, 1987]. Эти материалы являются важным источником в разработке дискуссионных проблем этнической истории тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. Необходимо отметить, что благодаря многолетней активной деятельности М.С. Акимовой этот регион – один из наиболее полно представленных палеоантропологическими коллекциями. Морфологическое своеобразие отдельных финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, их дифференциация внутри региона, показывают, что при наличии многих общих моментов в их этно- и расогенезе, существовали специфические особенности, истоки которых пока обрисованы лишь в общих чертах. Уточнить традиционную схему расогенеза поволжских и приуральских финнов также позволяют многочисленные серии черепов, которые по археологическим данным связаны с непосредственными предшественниками современных мари, удмуртов и коми-пермяков.

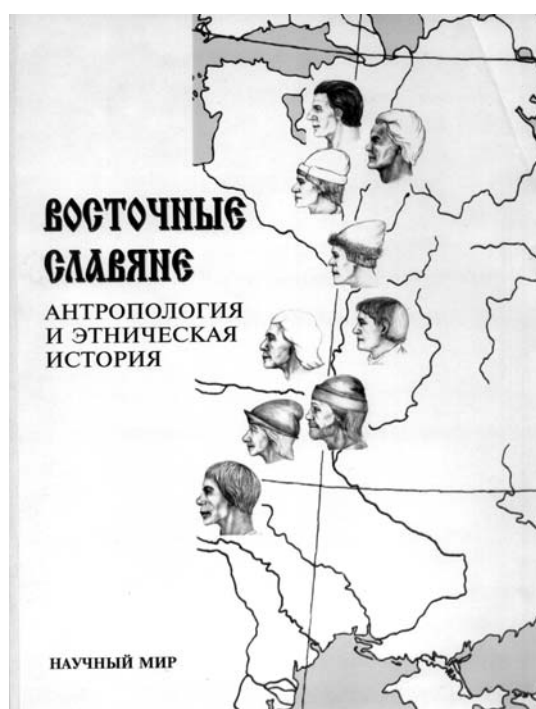
«Происхождение восточнославянских народов – клубок сложных проблем, тесно связанных с происхождением народов Центральной и Восточной Европы в целом, одна из важнейших тем европейской этнологии, тема одинаково интересная как для отечественных и зарубежных исследователей, так и для широкой публики. На объективную сложность проблемы восточнославянского и шире – вообще славянского этногенеза – набегали и набегают волны субъективистских оценок, размывали и искажали ее контуры, увеличивали ее сложность» – так писал В.П. Алексеев в своей увлекательной научно-популярной книге, посвященной рассмотрению вопросов этнической истории народов России с позиций антропологического знания [Алексеев, 1972, с. 289]. К сожалению, в наши дни славянская тематика продолжает оставаться в центре псевдонаучных и политически ангажированных домыслов и мифов. Преодолеть эти негативные тенденции можно только с помощью научных фактов и объективных исследований.

Илл. 16. Скульптурная реконструкция по черепу из могильника на Бабьем бугре, городище Великие Болгары. Прикамье, средние века. Гипс. Авторская копия. М.М. Герасимов

Как уже упоминалось, начало антропологического изучения восточных славян ознаменовалось выходом в свет замечательного труда А.П. Богданова «Материалы для антропологии курганного периода Московской губернии» [Богданов, 1867] и с этой поры оно неразрывно связано с историей развития всей русской антропологической науки. Огромный (около 2000 черепов) краниологический массив, полученный из раскопок сельских могильников и городских некрополей Древней Руси, не раз становился объектом исследования. Значительный вклад в изучение средневековых восточнославянских коллекций МА МГУ внесли: В.В. Бунак [Бунак, 1932], Т.А. Трофимова [Трофимова, 1946], Г.Ф. Дебец [Дебец, 1948], В.П. Алексеев [Алексеев, 1969], однако наиболее плодотворно в области изучения средневековых и современных славян практически всю свою научную жизнь работала Т.И. Алексеева [Алексеева, 1973 а; Восточные славяне, 1999] (илл. 17).

Палеоантропология восточных славян успешно развивается, идет накопление новых матери-

Илл. 17. Обложка коллективной монографии «Восточные славяне. Антропология и этническая история». Отв. редактор Т.И. Алексеева. 1999 г.

лов (получены обширные позднесредневековые серии с северо-западных территорий России и Подмосковья), однако не все коллекции еще изучены в должной степени. До сих пор, например не получила подробного освещения уникальная коллекция черепов из раскопок некрополей XV–XVIII вв. Москвы, которая насчитывает более 1000 черепов.

Среди близких к современным краниологическим и остеологическим сериям, кроме указанных коллекций из некрополей Москвы, следует упомянуть многочисленные краниологические коллекции, происходящие из кладбищ XVI–XIX вв. Поволжья и Приуралья (Удмуртия, Мордовия, Мари-Эл, Чувашия и Башкирия), Кавказа (Адыгея, Осетия, Абхазия), Средней Азии (Киргизия и Узбекистан). Огромна коллекция обдорских хантов, собранная Д.Т. Яновичем в 1909 г. – это 319 погребений, сопровождаемых предметами материальной и духовной культуры. Многочисленны и краниологические серии, характеризующие другие народы Сибири (манси, хакасы, теленгеты, чукчи, эскимосы и др.). Этот обширный массив материалов проанализирован и опубликован в работах крупнейших отечественных специалистов в области расоведения [Бунак, 1927; Дебец, 1951; Левин, 1958; Абдушелишвили, 1964; Алексеев, 1969, 1974] и используется как в разработке теоретических вопросов антропологии и экологии человека.

В краниологический каталог Музея антропологии МГУ включены также коллекции и единичные черепа народов Европы, Передней и Малой Азии, Индии, Центральной Азии, Африки, Австралии и Океании, Америки. Среди них наиболее значительные по численности материалы по алеутам (Камчатская экспедиция Русского географического общества, сборы 1908–1910 гг.) и индейцам Южной и Центральной Америки (дар Смитсоновского Института США, 1936 г.).

В заключение нашего обзора хочется сказать о том, что собрать и сохранить такой палеоантропологический фонд, какой имеет Музей антропологии МГУ, нелегкое дело, которым занималось несколько поколений исследователей – антропологов, археологов, просто любителей науки, реставраторов и технических сотрудников. Исследователи вновь и вновь возвращаются к изучению коллекционного фонда с применением новых методик и технологий. Многие из этих нововведений были разработаны с участием антропологов Московского университета. Например, методика определения дискретно-варьирующих признаков [Рычков, Мовсесян, Мамонова, 1975], определение групп крови АВО по костным останкам [Перевозчиков, 1976]. Традиционно антропологический материал выступает в качестве исторического источника, однако на протяжении последних 20 лет получило развитие еще одно направление – палеоэкологическое, которое на основе синтеза комплекса данных, полученных методами антропологии, археологии, палеоботаники, археозоологии, геологии и других наук, позволяет реконструировать, образ жизни, особенности среды обитания и специфичность поведения человека в конкретных ландшафтных и климатических условиях [Алексеев, 1993 а]. Одна из первых работ этой тематики была проведена под руководством академика РАН Т.И. Алексеевой [Алексеева, Козловская, Федосова, 1988] на антропологических материалах, характеризующих обдорских хантов XVIII–XIX вв. (коллекция из раскопок могильника Халас-Пугор, МА МГУ). Благодаря новым методам появилась возможность оценить не только морфологию и демографический состав населения, но и качество его жизни. Например, получены интересные результаты для древнерусских городов и сельских поселений эпохи средневековья [Алексеева, Бужилова, 1996].

Палеоантропология сегодня благодаря внедрению компьютерной техники и программного обеспечения получила мощный импульс, позволяющий более эффективно задействовать огромный арсенал накопленных данных и развить бо-

гательшие методические традиции, выработанные отечественной наукой о человеке. Однако, несмотря на огромные успехи, которыми современная палеоантропология может по праву гордиться, остается еще много направлений научного поиска. Поэтому вновь и вновь отечественные и зарубежные специалисты в области антропологии, медицины, экологии и генетики возвращаются к исследованию кранио-остеологических коллекций на основе новейших методик и в свете новых задач. О значении этого фонда лучше сказать словами основателя Московской школы антропологов А.П. Богданова: «Эти этажерки на выставке с бренными остатками человека составляют ключ к пониманию и разрешению многих вопросов, могущих интересовать каждого. Это не профанация остатков человека, а только возведение их в исторические документы, в значение важнейших памятников истории человечества» [Богданов, 1879, с. 2].

Библиография

- Абдушлишвили М.Г.* Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964. 208 с.
- Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1968. С. 119.
- Акимова М.С.* Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 177–196.
- Алексеев В.П.* В поисках предков. М., 1972.
- Алексеев В.П.* Общенье // Этнографическое обозрение, 1993 б, № 2. С. 154.
- Алексеев В.П.* Очерки экологии человека. М.: Наука, 1993 а.
- Алексеев В.П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Труды Института этнографии АН СССР, 1961. Нов. Сер. Т. 71. Антропологический сборник. III. С. 107–206.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы. Краниологическое исследование. М., 1969.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- Алексеев В.П.* Физические особенности мезолитического и раннеолитического населения Восточной Европы в связи с проблемой заселения этой территории // Проблемы древнего и современного населения Севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С. 28–36.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология Азиатской части СССР. М.: Наука, 1984.
- Алексеева Т.И.* Антропология и вопросы этнической истории // Вопросы антропол., 1973 а. Вып. 43.
- Алексеева Т.И. М.С. Акимова – ученый и педагог // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа, 1996. С. 19–26.*
- Алексеева Т.И.* Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок). М., 1997. С. 18–41.
- Алексеева Т.И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973 б.
- Алексеева Т.И., Бужилова А.П.* Население древнерусских городов по данным антропологии: происхождение палеодемография, палеоэкология // Российская археология, 1996. № 3. С. 58–72.
- Алексеева Т.И., Ефимова С.Г.* Музей антропологии МГУ в начале второго столетия своей деятельности // Музеи Российской академии наук: Альманах-1998. М., 1998. С. 289–318.
- Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б.* Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1986. 223 с.
- Алексеева Т.И., Козловская М.В., Федосова В.Н.* Опыт экологической реконструкции (на примере хантов) // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири / Под ред. В.П. Алексеева. Новосибирск, 1988.
- Алымов С.С.* Дмитрий Николаевич Анучин: «Естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 7–48.
- Анучин Д.Н.* Антропологический музей Московского университета // Русский антропол. журнал, 1907. № 1–2. С. 236–247.
- Анучин Д.Н.* Материалы для антропологии Восточной Азии. I. Племя айнов // Известия ОЛЕАЭ, 1876. Т. XX. Труды Антропологического отдела. Т. II. Вып. 1.
- Анучин Д.Н.* О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России // Известия ОЛЕАЭ, 1887. Т. XLIX. Вып. 4. С. 367–414.
- Анучин Д.Н.* О некоторых аномалиях человеческого черепа и преимущественно об их распространении по расам // Известия ОЛЕАЭ, 1880. Т. XXXVII. Труды Антропологического отдела. Т. VI.
- Богданов А.П.* Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии // Известия ОЛЕАЭ, 1867. Т. IV. Вып. 1. С. 1–176.
- Богданов А.П.* Антропология и университет. М., 1876.
- Богданов А.П.* Краниологическое собрание // Известия ОЛЕАЭ, 1880. Т. XXXV. Ч. 2. Вып. 3. Антропологическая выставка 1879 г. Т. 3. Ч. 2. Описание предметов выставки. 28 с.
- Богданов А.П.* Краниологические заметки о туркестанском народонаселении // Известия ОЛЕАЭ, 1886. Т. XLV. Вып. 3. С. 257–287.
- Бунак В.В.* *Crania Armenica* // Русский антропол. журнал, 1927. Приложение. Т. XVI. Вып. 1–2.
- Бунак В.В.* Деятельность Д. Н. Анучина в области антропологии // Русский антропол. журнал, 1924. Вып. 3–4. С. 1–13.
- Великанова М.С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975.
- Восточные славяне. Антропология и этническая история / Отв. редактор Т.И. Алексеева. М., 1999.*
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу // Труды Института этнографии АН СССР, 1955. Т. 28. 585 с.

- Герасимова М.М. Антропологические данные к вопросу об этнических отношениях в Северо-Восточном Причерноморье (Боспорское царство) / М.М. Герасимова, Н.М. Рудь, Л.Т. Яблонский. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С. 9–82.
- Герасимова М.М. Отечественная палеоантропология: проблемы, методология, методы // Расы и народы, 2004. № 30. С. 45–85.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии АН СССР, 1951. Т. 17.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии, 1948. Т. IV.
- Дебец Г.Ф. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского // Советская этнография, 1955. № 3. С. 144.
- Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // Советская этнография, 1952. № 1.
- Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.
- Ефимова С.Г. Д.Н. Анучин – «собираатель русской науки» // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология, 2009. № 1. С. 5–16.
- Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Население салтовомаяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1995. Вып. IV. С. 562–583.
- Известия ОЛЕ, 1866. Т. III. Вып. 1. Протоколы заседаний Общества любителей естествознания (14 мая 1864 – 29 августа 1866 года).
- Известия ОЛЕАЭ, 1878. Т. XXIV. Этнографическая выставка 1867 года. Ч. I. 93 с.
- Известия ОЛЕАЭ, 1878. Т. XXVII. Антропологическая выставка 1879 г. Т. I. 428 с.
- Известия ОЛЕАЭ, 1879. Т. XXXI. Антропологическая выставка 1879 г. Т. II. 423 с.
- Известия ОЛЕАЭ, 1880. Т. XXXV. Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. Ч. 1–2.
- Известия ОЛЕАЭ, 1886. Т. XLIX. Антропологическая выставка 1879 г. Т. IV. Ч. II.
- Известия ОЛЕАЭ, 1886. Т. III. Вып. 2. Протоколы заседаний ОЛЕАЭ С. 14.
- Известия ОЛЕАЭ, 1886. Т. XLIX. Антропологическая выставка 1879 г. Т. IV. Ч. I.
- Известия ОЛЕАЭ, 1890. Т. LXVIII. Труды Антропологического отдела. Т. XII. Дневник Антропологического отдела. С. 1–2.
- Карпов Г.В. Д.Н. Анучин. М., 1954.
- Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины. М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Кондукторова Т.С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973.
- Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника // Маяцкое городище. М., 1984. С. 199–236.
- Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казачье) М., 1979.
- Круц С.И. Население территории Украины эпохи меди и бронзы (по антропологическим данным). Киев, 1972.
- Левин М.Г. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) // Труды Института этнографии. Нов. серия. 1947. Т. I.
- Левин М.Г. Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.
- Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М., 1995.
- Открытие памятника на могиле проф. А.П. Богданова // Русский антропол. журнал, 1900. № 2. С. 109.
- Перевозчиков И.В. Определение групп крови системы АВО у населения европейских степей I тыс. до н.э. // Автореферат дисс. ... канд. биол. наук. М., 1976.
- Потехина И.Д. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита. Киев, 1999.
- Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Л., 1959. Т. IV.
- Рычков Ю.Г., Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н. Программа и методика исследований аномалий черепа // Вопросы антропол., 1975. Вып. 51. С. 127–150.
- Савина Г.А. Духовное завещание А.П. Богданова // Природа, 2005. № 1. С. 95–96.
- Соловей Т.Д. Институализация науки в Московском университете (Жизнь и труды Д.Н. Анучина в контексте эпохи) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 6. С. 3–38.
- Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. // Труды Института этнографии АН СССР, 1956. Т. 1. Антропологический сборник. С. 73–145.
- Трофимова Т.А. Еще раз о черепах из Луговского могильника ананьинской культуры // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 51–91.
- Трофимова Т.А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья // Советская этнография. 1946. № 1. С. 91–136.
- Формозов А.А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007.
- Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды (Антрополого-этнографический очерк) // Известия ОЛЕАЭ, 1889. Т. LXIII. Вып. 1.
- Шевченко А.В. Антропология южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 121–215.
- Юровская В.З. Анатолий Петрович Богданов. М., 2004.
- Яблонский Л.Т. М.М. Герасимов и краниология Восточной Европы эпохи неолита-энеолита // Вестник антропол., М., 1998. Вып. 5. С. 169–186.
- Яблонский Л.Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.

Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С. 142–243.

Якимов В.П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове (Онежское озеро) // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, 1960. Т. 19. С. 221–359.

Bunak V. The Craniological Types of the East Slavic Kurgans // Anthropol. Prague, 1932. Vol. X. P. 270–310.

Schwidetzky I. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // Homo, 1989. Vol. 38. N 3–4. S. 4–41.

Контактная информация:

Ефимова Светлана Григорьевна: e-mail: sefimova@astrel.ru.

HISTORY OF PALEOANTHROPOLOGICAL STUDIES AT MOSCOW UNIVERSITY

S.G. Efimova

Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Historical aspect in anthropological studies of ancient populations is traditional for the Russian science. The beginning of these studies is associated with the names of K.Baer and A.P. Bogdanov and with museum funds of paleoanthropological collections created in St. Petersburg and Moscow with their active participation. The article presents an overview of the most important stages in the development of this scientific school at Moscow University. The outstanding contributions of Professor A.P. Bogdanov to the national paleoanthropological studies in prerevolutionary period and that of Professor G.F. Debets in Soviet times deserve special attention. The unique fund of craniological and osteological collections in Anthropological Museum of Moscow University demonstrates the results of 150 years of studies of anthropological variety in ancient populations of the Northern Eurasia.

Keywords: *Moscow University, Anthropological Museum, history of sciences, paleoanthropological collections*